

В о з р о ж д е н и е

Очень рад слышать, что Вы сердечно отозвались на мои соображения об истинной летописи русского искусства. Как-то Вы говорили мне что в некоторых моих статьях Вы как бы читаете свои собственные мысли. То же самое я могу сказать и о некоторых Ваших очерках, которые не только мне близки в духе, но и в образной форме изложения. Не могу не выписать из Вашего последнего письма мысли, которые мне так близки.

"Как-то на-днях ехал я на авто по Мостовой к Китайской. Смотрю, идет одна пара, муж и жена. Я посмотрел на них и вылез на углу Китайской, обогнал их. И когда я вылез, то подумал:

- Вот теперь я знаю будущее: сейчас выйдет из толпы неизвестных мне людей эта самая пара. И действительно, эта пара вышла. Значит, та идея, которую я имел на углу Китайской и Мостовой, что я их увижу, - реализировалась. Пустой случай, но ясно мне показал, что идея, т.е. по гречески образ, есть то, что будет. С этой точки зрения - чрезвычайно глубокомысленны писания Блока - он видел то, что будет.

Это правда, но обычной публике очень трудно это уловить, как было трудно Лейбницу опознать, что в теле, кроме протяженности, есть еще сила. Ведь если бы сущностью тела была только протяженность - то каждый бумажный мешок был бы камнем. А камень, ведь, что-то отличное от мешка. И, тем не менее - Декарт и прочие учили, что сущность тела - протяжение; как трудно было им оторваться от привычной схемы. И так везде - мысль очень трудна.

Зато художники - мыслящие в образах - знают эту идею отлично;

образ — вообще начало знания и поэтому можно историю культуры России изложить в великолепных образах, в которых она, в сущности, и проходила в истории искусства.

Вот, примерно, те мысли, которые меня сжигают очень давно и о которых я вспомнил, прочтя Ваше письмо от 6 июня. Жизнь идет, воплощая идеи, а идеи ведут ее. Возможно, что Идея Идеи по Платоновски и есть добро, которое воплощается в жизни. Но в русском, так называемом интеллигентном сознании, которое лежит в области мышления дискурсивного, атомизирующего — образ считается чем-то чуждым. Вот почему русская интеллигенция ^одревольюционного типа оторвана от народа, мыслящего образами. И народные образы — художество, музыка, литература — великолепны.

Вот почему "Летопись русского искусства" надо сотворить так, чтобы она была в одно и то же время летописью русской истории, — истории как прошлой, так и будущей. Запад утонул в своих каменных домах, в римском праве и прочем. Лишь в России звучат небывалые просторы в пространстве и во времени.

В чем мы, русские, нуждаемся? В осознании, в осознании того, что уже налично, что живет в нашей душе. А то мы "и у хлеба, да без хлеба".

Именно нужно мыслить об обновлении. Где бы ни находиться, но всюду следует объединяться в мыслях о поновлении, о лучшем. Такие мысли, единовременные в разных частях света, создают мощную атмосферу. Лишь бы только не было мыслей взаимопоедающих. Но там, где сердце действительно устремлено к благому устремлению, там не может быть гнусного взаимопоедания.

Обновление есть естественная эволюция. Или произойдет загнивание, или расцветает возрождение. Если мы знаем, что не может быть стояния на одном месте, то каждая мысль об обновлении уже будет строительным камнем будущего. Конечно, летопись искусства, летопись

творчества будет летописью культуры. Иначе и быть не может, ибо творчество является выражением смысла жизни.

В возродительных мыслях не будем обременять друг друга какой-либо настойчивостью и преднамеренностью. Мыслящий о естественном обновлении знает все условия, могущие привести к такому возрождению. Естественные условия блага, в сущности своей, единообразны. Потому, не может быть нелепых, неосновательных, беспричинных расхождений там, где говорится об единой основе.

Могут чуждаться друг друга те, которым не ясна единая, вседвигающая основа совершенствования. Люди, не чувствующие этой основы, никогда не поймут, что летопись творчества, иначе говоря, летопись культуры должна быть помышляема во все времена. Нельзя думать, что такие летописи будут слагаться лишь в полном благополучии, тем более, что и само понятие "благополучие" очень условно.

Отображение культуры есть отложение в сокровищницу, есть священное свидетельство об истинных достижениях человечества. Потому-то эти мысли должны быть ценимы всегда, во всех положениях. Тогда же, когда они появляются среди особо трудных условий, тогда они особенно ценны. Впрочем, кто знает, почему каждому вверен дозор на том или ином месте. По человечеству можем предполагать, что было бы лучше не здесь, а там. А может быть, именно, стража доверена здесь. Потому, в полной готовности примем этот дозор, в сердце своем направляясь к желанным обновлениям.

Не будей думать, что положенное на сердце уже будет далеко от выполнения. Если не спятимся. Если проявим во всем мужество. Если, несмотря на всевозможных Иуд и Пилатов, добро и польза будут непререкаемы, то произрастет в жизни и все в сердце сокровенное. Ведь если мы мыслим о творчестве, значит, уже мы прилагаем мысль к самому жизненному. А такое жизнедарственное двинет и пути осуществления. Из того, что, может быть, сию минуту мы не знаем, где

и как выростет летопись русской культуры, это не значит, что мы не должны сосредоточиваться на этой мысли. Наоборот, мы должны и в себе, и в содружествах, и в сотрудничествах, и во всем мире находить к тому пути наилучшие.

И в пустынных просторах, и в пустынной тесноте города, и в песчаной буре, и в наводнении, и в грозе, и молнии будем держать на сердце мысль, подлежащую осуществлению - о летописи русского искусства, о летописи русской культуры, в образах всенародных, прекрасных и достоверных.

14 июля 1935 г.

Наран Обо.